

Давайте расскажем детям о Н.П. Бехтеревой, глубоко верующем человеке, жене, матери, докторе психологических и докторе медицинских наук, академике Российской академии наук и Российской академии медицинских наук и спросим их о том, была ли ее жизнь успешной? Помешала ли вера в Бога полноте ее жизни и самореализации? И это далеко не единственный аналогичный пример. Конечно же, каждый верующий человек живет в системе ограничений, но это не ограничение на полноту самореализации, а ограничение на аморальное и противоправное поведение.

Эта проблематика должна подвести учащихся к вопросу о духовно-нравственных ценностях религиозных вероучений. И это третья задача, которую должно решить введение элементов религиозной культуры в содержание общего среднего образования.

Для подросткового возраста естественно скептическое отношение к нравственным ценностям предыдущих поколений и лозунг «старика устарели, а молодежь должна жить по-новому и современно» очень часто находит положительный отклик в молодежной среде. Отрицание части духовного опыта предыдущих поколений и наработка новыми поколениями своего духовного опыта – естественный процесс. В противном случае отсутствовал бы всякий нравственный прогресс человечества. Но нужен доскональный анализ этого духовного опыта и определение того, что должно быть отринутым, а что – сохранено. Такой анализ требует обоснования каждой нравственной ценности, и только религиозная культура может дать такое достаточно убедительное обоснование. Попытка апеллирования к духовному опыту человечества (общечеловеческие ценности) без учета влияния религиозной культуры на их формирование и обоснование – это попытка рубить дрова деревянным топором. Ведь очень часто в жизни внешнего материального успеха добиваются как раз весьма аморальные люди. Лозунг «Не пойман – не вор» – это тоже духовный опыт человечества, только тот опыт, который абсолютно противостоит христианской заповеди «Не укради».

Четвертая задача введения элементов религиозной культуры в содержание общего среднего образования – разъяснение учащимся исторического контекста взаимоотношений религии и науки. Конечно же, эти отношения имели периоды противостояния. Но это было не противостояние религиозного и научного мировоззрений, а противостояние отдельных ученых и отдельных церковных деятелей. И, кстати, разве не атеизм разгромил самую передовую в 30-40 годы 20 столетия русскую школу генетики?

В современном понимании взаимоотношения науки и религии, последняя совершенно не претендует на какое-либо объяснение и обоснование строения и законов функционирования материального мира. Религию интересует человек и его взаимоотношения с Абсолютом, другими людьми и этим же материальным миром. Ее интересует, как человек определяет цель, смысл и содержание своей жизни – проблемы, в которых естественные науки не могут дать никакого ответа, а гуманитарные, не учитывающие религиозных представлений, – весьма относительный. Скольким уже поколениям внушалась мысль, что они должны положить свои жизни на построение счастливой жизни будущих поколений. Жизни полагались, а счастье все время переносилось на будущие поколения. Религиозная культура предлагает и счастье здесь и сейчас, и радость за пределами земной жизни.

Конечно же, это далеко не полный перечень задач, которые должны решаться за счет введения в контент общего среднего образования элементов религиозной культуры, но нам кажется, что их необходимо отнести к разряду первоочередных.

М.А. Можейко

*доктор философских наук, профессор,
проректор по научной работе*

*ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета*

ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ СВЕТСКОМ ВУЗЕ

Два последних тысячелетия в эволюции европейской культурной традиции прошли под знаком христианской веры. Практически во всех своих проявлениях европейская культура может рассматриваться как глубоко и фундаментально детерминированная христианскими ценностями.

Идеалы и ценности христианства оказали как аксиологическое, так и содержательное влияние на развиваемые в контексте этой культуры: мораль (практически все кодексы которой генетически восходят к библейскому декалогу); искусство (включая и тематику, и образный строй); философию (от базисной для европейской традиции универсальной идеи трансцендентализма и до предельно конкретной специфики артикуляции схоластикой онтологической и гносеологической проблематики, оказавшей влияние на все последующее историко-философское развитие Европы); доминирующие системы ценностей (переосмысление таких фундаментальных для человеческого бытия универсалий, как добро, справедливость, свобода, любовь и счастье) и культурные идеалы, а также осознание этой культурой себя как векторно ориентированной в будущее, что остро артикулирует в ее контексте феномена Надежды.

Но особое значение для развития культуры западного образца имеет то обстоятельство, что религиозная традиция, на которой эта культура основана, является традицией теистической.

Православие представляет собою яркое воплощение теизма, основываясь на Тринитарном догмате о бытии всеблагого, всеведущего и всемогущего Бога. Фундаментальной характеристикой православия является его принципиальная диалогичность: православная вера задает особо напряженную артикуляцию эмоционально-психологической компоненты религиозного сознания.

В соответствии с этим, православие как религия личного Бога предлагает и особую интерпретацию личности, понимающей человека в качестве неповторимой и уникальной субъективности, выступающей как особая ценность.

В рамках теистической веры индивидуальное *я* уже изначально находится в сакральном диалоге с Божественным *Я*, для которого оказываются значимыми тончайшие нюансы душевного состояния верующего. И если в религиях нетеистического типа максимальную позицию значимости занимает внешний ритуал, отправление культа (греко-римская религия, синтоизм и др.), то в теистических традициях на эту позицию выдвигается именно вера, степень ее глубины и искренности – «сердечная вера» в православии.

Тем самым в православной традиции самыми значимыми становятся именно личностные, неформализуемо интимные, душевные состояния верующего, ибо даже при скрупулезном соблюдении культовых требований можно оказаться грешником, согрешив «в душе своей» или лелея в ней «червеца сомнения», и, напротив, погрешности во внешней стороне отправления культа могут искупаться истовостью веры.

В образе Иисуса Христа характерный для теизма вектор личностной артикуляции персонифицированного Бога находит свое максимальное проявление: Абсолют обретает не просто персонифицированный облик, но подлинно экзистенциальные человеческие черты, оказываясь открытым не только для диалогического Откровения, но и для страдания, а значит, – сострадания и милосердия, инспирируя фундаментальный переход европейской культуры от «религии страха» (по терминологии Э. Фромма) к «религии любви».

Православная традиция акцентирует феномен искупительной жертвы Христа как выходящий за пределы оценочной этики акт милосердия и спасения человечества, несмотря на его греховность. В соответствии с этим нравственная максима достойного «несения своего креста» апплицируется на парадигмы человеческого поведения: семантическая фигура мученика, аксиологически значимый статус страдания («сердца болезнующего») и аскезы в христианской этике), что задает глубокий и глубинный *психологизм христианской культуры*.

Этот психологизм фундирован базисной для православной традиции идеей диалогизма со-бытия человека с Богом, максимально реализующегося в феномене Откровения и предполагающего остро личное эмоциональное переживание любви к Богу. На этой основе формируется мировоззренческая парадигма не чувственного и не бес-чувственного, но со-чувственного отношения к миру. Типичным примером может служить в этом отношении позиция Максима Исповедника, ярко контрастирующая с западноевропейскими нравственными программами, основанными на постулате бесстрастной атаксии (стоицизм и т.п.).

Подобное ценностное основание задает православной (как и христианской в целом) традиции отчетливо проявляющуюся ориентацию на рефлексивные формы сознания: интенции на осознание собственной греховности, оценочное осмысление собственной веры и т.п.

В рамках европейской культуры оформляются (особенно после «Исповеди» Августина) не только идеалы, но и технологии глубинной интроспекции и скрупулезной морально-психологической

рефлексии, – задается традиция программная культивации рафинированного интеллектуального самоанализа, который, собственно, во многом делает Европу Европой.

Вместе с тем, православный Символ веры, основанный на идее вочеловечивания Бога, задает в культуре человекосоразмерную парадигму божественного служения, понятого не в качестве дискретного героико-экстатического подвига, но в качестве неизменного достоинства и перманентно повседневного милосердия в отношении к ближнему (не экстремум, но норма: с любовью, но не со страстью), делая акцент не на человечестве, но на человеке: «...Жаждал, и вы напоили меня... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне» (Мф, 25, 35–40).

Особое значение и особый статус обретает в этом контексте образ Иисуса Христа. – В обозначенной системе отсчета он являет собою в контексте европейской традиции культурный символ высшего порядка, центрирующий европейскую культуру в смысложизненном отношении: с одной стороны, фундируя характерную для Европы систему ценностей, с другой – задавая в контексте европейской культуры поведенческие сценарии, во многом альтернативные исходным западным поведенческим программам.

В числе таких программ могут быть названы следующие:

- активизм, уравновешенный христианской идеей препоручения себя в руки Божьи и делегирование Христу как Спасителю решения собственной судьбы,
- индивидуализм, смягченный нормативной максимой любви к ближнему,
- рационализм, тотальное доминирование которого снимается концепцией Откровения,
- волюнтаризм, которому противопоставляется нравственная ценность смирения.

Даже сами исконно присущие западной традиции логико-вербальная ориентация, когнитивный и праксеологический оптимизм и интеллектуализм переосмысливаются и преисполняются новым значением благодаря пониманию Иисуса Христа как воплощенного Слова (Иоанн, 1, 14).

В образе Иисуса Христа, акцентирующем не громовую мощь, но тихий глас Божий, в качестве основы и истока не только вселенского могущества, но и подлинной свободы выступает не внешняя (физическая или социальная) сила, но душевный покой (мир) и самообладание – парадигма силы духа, фундирующая собою в качестве своеобразной сакральной программной ценности всю европейскую культуру.

Именно посредством образа Иисуса Христа православие сохраняет в контексте европейского целерационального технологизма и интеллектуализма артикуляцию любви как верховной ценности человеческой жизни. Например, нетипичная для Европы, но все же присутствующая в ее тезаурусе нравственная максима, сформулированная Людвигом ван Бетховеном: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем – преклоняю колени», могла появиться в европейской культуре именно и только благодаря наличию в ней христианской традиции.

Не менее значимо и то обстоятельство, что в общем контексте доминирования универсально-логического типа культурных программ в европейском культурном пространстве православие задает острую артикуляцию значимости личного прецедента Поступка.

Формирование собственной готовности к этому Поступку, развитие способности к нему требует от человека особого – беспристрастно-критичного и творческого – отношения к себе, предполагающего кропотливый процесс формирования в себе тех нравственных и духовных качеств, которые необходимы для выполнения долга. – Воспитание выступает в этом контексте как самовоспитание, а творчество – как «творчество себя», то есть творчество, направленное не на внешний предмет, но на собственный духовный мир, и предполагающее нравственное его очищение и культивацию позитивных духовных начал. И православная традиция демонстрирует высокие примеры подобного «умного деланья», творчества себя (например, в исихазме).

Таким образом, важнейшим аспектом православной культуры является ее интенция на формирование личности особого типа, а именно – личности, ориентированной в социальном плане на сохранение самоидентичности и духовной автономии, и, вместе с тем, индивидуальную ответственность за судьбы мира.

Таким образом, именно христианские ценности выступают в контексте современного светского образования и воспитания как аксиологические основания формирования ценностных ориентаций личности, и православная духовность

Проблемы преподавания религиоведения в современном светском ВУЗе включают в себя проблемы трех уровней, которые условно можно обозначить как проблемы студенческие, проблемы преподавателя и проблемы административные.

1. Проблемы студента

Современное студенчество отличается, среди прочих своих особенностей, очевидной тягой к ценностям духовного порядка: его интересует не только информационный поиск и овладение знаниями, но и вопросы смысложизненного характера.

Однако навыка поиска ответов на подобные вопросы у выпускника современной средней школы практически нет. При остром интересе к проблеме трансцендентных ценностей, молодой человек, как правило, не только не относит себя к какой бы то ни было конфессии, но даже имеет далеко не исчерпывающие (и не всегда корректные) представления о сущности и специфике религиозной традиции.

В этом контексте возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что подобная аксиологическая установка, являющаяся, казалось бы, благодатной почвой для формирования в сознании молодежи истинных духовных ценностей, оказывается чреватой некоторыми небезопасными тенденциями. Остро ощущая своего рода духовный голод, молодой человек в ряде случаев оказывается готовым заполнить пустоту в своей душе практически чем угодно, – вплоть до того, что подобная некритичность сознания делает его беззащитным перед агрессивной пропагандой нетрадиционных религиозных движений и деятельностью тоталитарных сект.

Наверное, каждому, кто преподавал религиоведение в современном ВУЗе, знакомо то чувство, которое потрясло меня при первом опыте чтения курса «Религиоведение» на отделении философии факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета: начинаешь излагать историю религии и видишь, как все студенты на потоке последовательно становятся, вслед за твоим рассказом, вишнуитами, шиваитами, потом – буддистами (и вновь – с последовательной сменой от приверженцев хинаяны – к приверженцам махаяны и ваджраяны), затем – по ходу разворачивания исторической реконструкции лекционного курса – сторонниками зороастризма, позднее – при переходе к анализу теистических традиций – интерес студентов смещается в сторону религий Откровения.

При учете этого момента представляется особенно важным правильно направлять интерес студента, дать ему подлинную духовную пищу, научить отличать богатую религиозно-философскую традицию от суррогатов нетрадиционной религиозности.

В свете этой задачи представляется целесообразным расширение и углубление той части программы по курсу «Религиоведение», которая посвящена анализу теологической традиции (в то время как в данный момент акцент делается на таких вопросах, как истории религии, специфика культовой практики той или иной традиции т.п.).

2. Проблемы преподавателя

Из сказанного следует, что применительно к курсу «Религиоведение» роль преподавателя акцентированно возрастает, причем не только в образовательном, но и, в первую очередь, – в воспитательном отношении. Между тем, применительно к преподавательскому корпусу, также можно говорить о проблемном его состоянии. Проблемность эта является очевидной и связана с тем, что, в силу причин исторического характера, на сегодняшний день корпус преподавателей религиоведения на три четверти состоит из тех, кто если не вчера, то позавчера еще читал курс под названием «Основы научного атеизма». И потому наряду с подрастающим поколением новых религиоведов, читающих методологически корректный и аксиологически взвешенный академический курс религиоведения, существует целая армия представителей старой школы.

И если решить эту проблему – в силу моральных причин – отнюдь не просто, то следует, по меньшей мере, учитывать ее наличие в современном преподавании данного курса. Возможно, введение в учебную программу более обширного материала по истории теологии, который потребует от преподавателей своего рода самосовершенствования и профессионального роста, будет небесполезным и в этом отношении.

3. Проблемы административного характера

Все обозначенные выше проблемы имеет смысл обсуждать, лишь при том условии, что сам курс «Религиоведение» имеется в учебном плане. Однако именно в этом вопросе все обстоит далеко не благополучно. Разумеется, переход к двухступенчатой системе образования, сокращающий срок обучения бакалавров с пяти до четырех лет, предполагает разумное сокращение числа читаемых

студентам курсов. Однако, вопрос о том, что именно сокращать, иногда решается без учета специфики современной обстановки в молодежной культурной среде, равно как и без учета специфики той или иной специальности будущего выпускника ВУЗа.

Так, переход на двухуровневую систему обучения в высшей школе, привел к необходимости сокращения учебных часов, в силу чего многие дисциплины социально-гуманитарного цикла оказались за пределами обязательных для чтения курсов, попав в разряд так называемых «дисциплин по выбору» (это касается не только религиоведения, но в той же мере и этики, и культурологии, и эстетики, и п.д.).

Пресловутый «выбор» (или, как правило, не-выбор) названных курсов осуществляет, как правило, декан, озабоченный сохранением нагрузки преподавателей своего факультета, в силу чего дисциплины социально-гуманитарного цикла оказываются за бортом. Подчас возникают абсурдные ситуации, когда, например, юристы и психологи не получают абсолютно никакой религиоведческой подготовки, а журналистам не преподается этика. Как, спрашивается, работник правоохранительных органов, получивший подобное урезанное образование, сможет определить, как ему оценить деятельность той или иной организации с точки зрения ее легитимности? Как может работать журналист, не имеющий глубокой нравственной подготовки – как в смысле образования, так и в смысле воспитания?

* * *

Как видим, проблемы преподавания религиоведения в современном светском ВУЗе достаточно разнородны и весьма непросты, но только комплексное их решение позволит подготовить специалиста, способного адекватно ориентироваться в современной мировоззренческой ситуации и отличающегося глубокой внутренней культурой и высоким духовным потенциалом.

Протоиерей Владимир Башкиров

доктор богословия,

заведующий кафедрой богословия

*ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла»
Белорусского государственного университета*

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БЕЛОРУССИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ 40-80 ГГ.

Удивительная вещь церковный календарь! Его годовой круг постоянно вводит нас в церковную историю, как будто беспокоится о том, чтобы не забывали жизни и дел благочестивых людей и учились на их примере. Невольно вспоминается мудрое изречение святителя Григория Богослова (+389): *«История – ум многих... Время родило историю, а история – мудрость»* [2, с. 270- 271].

Так и с праздниками святых. В первое воскресенье после Троицы был день всех святых в земле российской просиявших, а во второе – память региональных святых: Вологодских, Новгородских Псковских, Санкт-Петербургских и Белорусских.

И опять мне хотелось бы продолжить тему прошлой беседы и поговорить не о древности, а об обстановке в которой жили верующие в Белоруссии после войны 1941-1945 гг. Тогда нам проще будет понять, как гонения и преследования могут закалять дух верующих вплоть до готовности стоять за свою веру до конца. Я, как и в прошлый раз, ограничусь более знакомой мне историей Православной Церкви.

В 1945 году государство делает ряд уступок Церкви. Решением Совнаркома СССР религиозные организации получили право юридического лица.

Начался стремительный рост приходов. На 1 апреля 1947 г. в Белоруссии насчитывалось 906 действующих православных церквей, а в начале 1949 – уже 1027, из которых 808 в Западной Белоруссии и 219 в Восточной, где перед войной не было ни одной. Штат духовенства состоял из 757 священников и 56 диаконов. Работала Минская духовная семинария, в которой в 1949 году